ВИЗУАЛЬНЫЕ НОСИТЕЛИ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА)

Н. Г. Федотова

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Россия
fedotova75@mail.ru

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и правительства Новгородской области в рамках научного проекта № 18-411-530001 «Культурная память города в современных коммуникативных практиках»

Статья посвящена изучению особенностей визуальных носителей культурной памяти города, которые представляют собой один из видов символических посредников, связывающих горожан и городскую среду. Актуальность исследований культурной памяти города подтверждается повышенным научным интересом как к проблемам коммеморации и механизмам структурирования социальных форм памяти, так и к вопросам детерминации коллективных представлений о городе. Функционирование культурной памяти города поддерживается с помощью носителей памяти как единиц хранения значимых элементов культуры города (символы, образы, мифы и пр.), которые символически маркируют городскую среду. Автор акцентирует внимание на визуальных носителях культурной памяти города, роль которых заключается в аккумулировании, воспроизводстве и трансляции культурных смыслов города, образующих визуальную матрицу городской памяти. Методология исследования носителей культурной памяти города пока не сформирована, однако автор отмечает ряд методик, позволяющих выявить значимые для города культурные смыслы как фрагменты городской памяти. Помимо использования в подобных исследованиях ряда когнитивных, семиотических и социологических категорий, определённым методологическим потенциалом обладает и коммуникативная парадигма, ориентирующая на анализ процессов генерирования культурных смыслов города и их символической репрезентации в городском пространстве. Специфика функционирования визуальных носителей культурной памяти города проиллюстрирована на примере проведённых автором в 2016–2018 гг. исследований визуальных смыслов Великого Новгорода, которые транслируют ключевые слои городской памяти. Автор проводит дифференциацию визуальных носителей культурной памяти города, выявляет и обосновывает четыре основные группы трансляторов видимой информации о прошлом города. Также в работе определяются и анализируются особенности визуальных носителей культурной памяти города, которые влияют на характер городской коммеморации. Полученные результаты могут стать отправной точкой в дальнейших исследованиях культурной памяти конкретных городов. Практическая значимость исследования заключается в том, что подобные знания являются частью интеллектуального капитала, который может использо-

ваться городскими элитами в решении проблем политики культурной памяти, связанной с проецированием коллективных представлений о городе, в том числе – и образа города.

Ключевые слова: город, культурная память города, коммеморация, визуальный носитель памяти, культурные смыслы.

VISUAL CARRIERS OF CITY'S CULTURAL MEMORY (ON THE EXAMPLE OF VELIKY NOVGOROD)

Natalia Fedotova

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Russia
fedotova75@mail.ru

The article is devoted to the study of the features of visual carriers of the city's cultural memory, which are one of the types of symbolic intermediaries that connect citizens and urban environment. The relevance of the research of cultural memory of the city is confirmed by the increased scientific interest to the problems of commemoration and mechanisms of structuring social forms of memory, and to the determination of collective ideas about the city. The functioning of the of the city's cultural memory is supported by memory carriers as units of storage of the city's culture significant elements (symbols, images, myths, etc.), which symbolically mark the urban environment. The author focuses on the visual carrier of the city's cultural memory, which role is to accumulate, reproduce and translate the cultural meanings of the city, forming a visual matrix of urban memory. The methodology of the study of the city's cultural memory is not yet formed, but the author gives a number of techniques to identify significant cultural meanings as fragments of urban memory. In addition to the use of cognitive, semiotic and sociological categories in the study, a certain methodological potential refers to a communicative paradigm that focuses on the analysis of the processes of generating cultural meanings of the city and their representation in the space of the city. The specificity of the functioning of the city's cultural memory is illustrated by the example of the author's 2016–2018 study of visual meanings of Veliky Novgorod, which transfer the key layers of urban memory. The author suggests to consider four main groups of translators of visible information about the city's past as visual carrier of city's cultural memory. The author identifies and substantiates features of visual carriers of the city's cultural memory. The obtained results can be a starting point for further studies of the city's cultural memory. The applied significance of this research is part of the intellectual capital that can be used by urban elites of each particular city in solving the problems of the policy of the city's cultural memory associated with the creation of collective ideas about the city, including the image of the city.

Keywords: city, city's cultural memory, commemoration, visual memory, cultural meanings.

DOI 10.23951/2312-7899-2019-2-42-62

В академическом дискурсе последних лет наблюдается устойчивый научный интерес к различным формам коллективной памяти. Благодаря работам немецкой и французской школ (М. Хальбвакс, А. Варбург, П. Нора, Я. Ассман, А. Ассман и др.) были научно доказаны закономерности существования коллективной памяти, которая складывается из воспоминаний конкретного сообщества, а затем и памяти культурной. Появление научных исследований культурной памяти стало возможным после обоснования данного концепта в трудах Яна Ассмана. На материале древних культур он не только выявил роль культурной памяти в развитии общества, но и показал важность её изучения, продуцируя тем самым мощную волну гуманитарных исследований в данном направлении.

Между тем, в современных городских исследованиях (urban studies) предметом изучения всё чаще становится проблема детерминации коллективных представлений о городе, определяющих то, как мы осмысляем, воображаем город. Например, востребованными на сегодняшний день становятся результаты исследований того, как люди воспринимают города в эпоху глобализации [Huyssen 2008].

На наш взгляд, интеграция имеющегося научного потенциала, связанного с культурной памятью, в городские исследования открыло бы определённые перспективы в изучении города, городского образа, городской культуры. Концепт культурной памяти города на сегодняшний день в науке осмыслен не в полной мере. Культурная память городов, разумеется, является предметом исследований, но имеющиеся работы, как правило, опираются на разный концептуальный фундамент, методологически разобщены и характеризуются фрагментарностью. В частности, в рамках данной тематики существуют работы, направленные на изучение феномена культурной памяти города сквозь призму когнитивной работы обыденного создания [Крокинская 2016], на исследование процесса формирования городской памяти из текстов и практик прошлого [Buckler 2008] или особенностей познания городских мест памяти [Вандышев и др. 2013]. В условиях же повышения значимости междисциплинарных исследований наряду с актуализацией семиотических методов познания, позволяющих раскрыть процессы генерирования

и трансляции значений, подобные исследования могут приобретать новый импульс.

Культурная память города

О социальной обусловленности коллективной памяти впервые заявил Макс Хальбвакс, доказавший, что «существует коллективная память и социальные рамки памяти, и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти» [Хальбвакс 2007, 30]. Коллективная память, согласно М. Хальбваксу, формируется конкретной социальной группой, и она является искусственным продуктом современности. Подобные взгляды, но уже на культурную память коллектива, характерны и для Я. Ассмана. По его мнению, культурная память является особой памятью коллектива, которая связана с передачей и актуализацией культурных смыслов. От прочих типов памяти культурная память отличается именно тем, что она имеет *символический* характер, то есть «может осуществляться лишь искусственно, в рамках институций» [Ассман 2004, 23]. Памятники, храмы, идолы, говоря словами Я. Ассмана, выходят за рамки предметной памяти, они позволяют идентифицировать коллектив людей, непрерывно накапливать и строить знание о самих себе. Он полагает, что культурная память представляет собой тот институт, который «проявляется, объективируется и накапливается в символических формах, которые, в отличие от звуков слов или появления жестов, являются стабильными и ситуативно-трансцендентными» [Assmann 2011, 17].

Между тем, в качестве коллектива, аккумулирующего культурную память, могут выступать и жители города. Город обладает исторической судьбой, социальной структурой, он имеет своё прошлое, которое зашифровано в знаках городской среды, в нём есть институты хранения культурной памяти (музеи, архивы и пр.).

Оставаясь на культурологической позиции немецких теоретиков, мы полагаем, что культурная память города представляет собой сложное пространство хранения, трансляции и актуализации культурных смыслов города. Такие смыслы представляют собой значимые для горожан элементы культуры города (символы, образы, мифы), являющиеся единицами хранения культурной памяти, которые символически маркируют городскую среду. Данная позиция предполагает опору на коммуникативный подход

в изучении культурной памяти города, где коммуникация есть процесс движения смыслов в пространстве и во времени. В этом случае исследовательский фокус учёных направлен не только на анализ содержания культурных смыслов города, но и на процесс их формирования, то есть на то, как эти смыслы становятся значимыми для горожан.

Что такое носитель культурной памяти города?

Как мы показали ранее [Федотова 2018], культурной памяти города требуется постоянное воспроизводство культурных смыслов (в рамках коммеморации) как процесс «напоминания» о характере города, его традициях, истории, известных людях, поскольку культурная память всегда функционирует в условиях относительности ценностей сообщества. По словам Юрия Лотмана, «каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (т. е. хранить), а что подлежит забвению» [Лотман 1992, 201]. Необходимость воспроизводства культурных смыслов обусловлена тем, что культурная память города является ключевым детерминантом городской идентичности, поскольку она формирует городскую общность на основе общей судьбы города и связи прошлого с настоящим. Содержание идентичности, согласно Алейде Ассман, формируется через общее прошлое, благодаря которому укрепляются ценности, самосознание и деятельная активность сообщества [Ассман 2016, 32]. Концентрируется культурная память в культурных смыслах города, хранящих и актуализирующих коллективный опыт города, несущих в себе определённое значение для горожан и символически маркирующих городское пространство. Объективируются такие смыслы с помощью знаковых форм (вербальных, визуальных), которые и подлежат, в нашем случае, исследованию как носители культурой памяти города. Именно для этого мы вводим понятие «носитель культурной памяти города».

Носитель культурной памяти города, по сути, является тем знаковым посредником, ключевая функция которого состоит в аккумуляровании и трансляции культурных смыслов города, образующих символическую матрицу городской памяти. В связи с этим возникает вопрос о содержании, структуре, специфике функционирования носителей культурной памяти города.

Во-первых, безусловными носителями культурной памяти того или иного коллектива являются сами люди. По мнению Пьера

Нора, память поддерживается исключительно с помощью людей: «память – это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы» [Нора 1999, 19]. Культурная память служит условием идентификации для коллектива людей, поэтому она всегда связана с социальными группами [Артаутова 2006, 51]. Данный факт объясняет важность постоянной дискуссии, рефлексии и интерпретации городского прошлого, актуализации фрагментов коллективного опыта города (праздники, выставки, конкурсы стихов, съёмки кинофильмов), не позволяющей забвению взять верх над памятью. Дифференциация носителей культурной памяти города по месту жительства демонстрирует их разнообразие, поскольку предполагает их разделение на тех, кто проживает в городе, и на представителей внешней среды (туристы, журналисты, учёные и пр.), и все они толкуют, создают, передают городские значения, т. е. оказывают воздействие на формирование культурных смыслов города.

Во-вторых, носителями культурной памяти города могут быть и материальные трансляторы значений, которые заключают в своих знаковых формах символическую информацию о городе. А. Ассман называет их «символическими медиаторами», которые, в отличие от людей, обеспечивают культурной памяти «долгосрочную опору» [Ассман 2014, 20]. Такие носители культурной памяти города выполняют важную роль: с их помощью фиксируются и проявляются в повседневной реальности фрагменты культурной памяти города. Поэтому сюда, как мы полагаем, можно отнести любые объективированные проявления культурных смыслов, которые обеспечивают процесс трансляции «сгустков» памяти города.

По способам кодирования культурных смыслов носители культурной памяти города могут быть разделены на *вербальные* и *визуальные*.

Вербальные носители культурной памяти города – это все те культурные смыслы города, знаковая оболочка которых образована с помощью речи (слова, высказывания, фразы, речь, текст). В качестве примеров сюда можно отнести наиболее значимые из них – названия (улиц, площадей, станций метро и пр.), мифы, легенды, произведения искусства, в том числе народного искусства (литература, поэзия, песенное творчество).

Визуальные носители культурной памяти города – это визуальные знаки, которые объективируют фрагменты городского прошлого. Здесь существуют как естественные визуальные носители памяти, образованные природными факторами (например, ландшафт города,

флора), так и искусственные (архитектура, символика города, скульптура и пр.).

Поскольку предметом анализа в данной работе являются, как было отмечено выше, «символические медиаторы», т. е. второй тип носителей культурной памяти, то важно отметить ключевую особенность, которая превращает обычные вербальные или визуальные знаки в носителей культурной памяти города. Это особенность заключается в том, что данные предметы, названия, тексты становятся местами концентрации культурной памяти лишь в процессе коммуникативных практик, в рамках которых генерируются и передаются смыслы города. Легенда или мемориал сами по себе не являются культурной памятью до тех пор, пока они не вписаны в форму значимости, пока не включены во взаимодействие. Как отмечает Я. Ассман, культурная память существует лишь в «постоянном взаимодействии не только с воспоминаниями людей, но и с внешними символами»; это «метоним для физического контакта между помнящим разумом и напоминающим объектом» [Assmann 2011, 17]. В рамках данной работы акцент направлен на визуальные аспекты аккумуляции и хранения культурных смыслов города. Специфику визуальных носителей культурной памяти города, от которой зависит и процесс коммеморации, мы рассмотрим на примере Великого Новгорода.

Особенности методов исследования визуальных носителей культурной памяти города

Методологию изучения носителей культурной памяти города пока нельзя назвать сложившейся, она не имеет адаптированного концептуального фундамента и проверенных стратегий. Вместе с тем подобные исследования нередко проводятся с применением социологических и когнитивно ориентированных методик, позволяющих выявить значимые для города культурные смыслы. В частности, сегодня весьма популярна методика ментального картирования горожан, которая получила свою известность после выхода работ Кевина Линча [Линч 1982], который акцентировал внимание на проблеме визуального восприятия города людьми. Не менее востребованными следует назвать и иные способы эмпирических срезов мнений горожан, позволяющий получить сведения о значимых, по их мнению, эпизодах городского прошлого, а также дискурсивный анализ медиасферы.

Сюда же следует отнести и семиотический анализ городской среды, позволяющий рассматривать город как текст, «смысловые нити» которого тянутся в прошлое. Данный метод позволяет раскрыть знаковый характер конкретных культурных смыслов города.

Кроме того, поскольку культурная память города является непосредственной проекцией городской идентичности, то в исследовании её носителей могут быть использованы те методики, которые направлены на выявление идентификационных связей между горожанами и городской средой.

Такого рода исследования позволяют определить актуальные фрагменты памяти, которые зафиксированы и «живут» в сознании горожан, а также используются в политическом дискурсе, транслируются в медиаресурсах или, говоря иначе, являются частью городских практик коммуникации. В качестве вторичных источников научной информации по данной проблеме могут быть использованы такие из них, в которых содержатся сведения о культивируемых городских событиях и местах памяти города.

Опираясь на результаты исследований новгородской идентичности, символических ресурсов Великого Новгорода, анализа его семиотической среды [см., например, Федотова 2017 а, Федотова 2017 б], проведённых нами в 2016–2018 гг., а также основываясь на результатах исследований культурной памяти в других городах, мы разработали первичную классификацию визуальных носителей культурной памяти города. В качестве визуального носителя культурной памяти города, в зависимости от специфики его репрезентации в городской среде, могут выступать: а) природная среда города; б) произведения изобразительного искусства; в) архитектура и особенности архитектурной застройки города; г) символика, бренды, логотипы.

Природная среда как визуальный носитель культурной памяти города

Природные особенности городской среды (горы, озёра, флора и пр.) представляют собой, прежде всего, ключевой аспект городского ландшафта и участвуют в формировании образа города. Носителями культурной памяти города они становятся, как правило, в качестве комплексных знаков в совокупности со знаками искусственными, нередко образуя тем самым сакральные значения того или иного памятного места. Поэтому природные объекты приобретают

символическое значение и становятся трансляторами культурной памяти в результате дополнительной визуализации (на гербе города, в живописи или на фотографии). Согласно мнению учёных, визуальные образы городского ландшафта северного города часто содержат «почитаемые среди местного населения элементы ландшафта, являющиеся местами поклонения и отправления обрядов» [Романова 2015, 95].

Как показали проведённые в Великом Новгороде исследования, знаковыми для новгородцев природными носителями, передающими фрагменты памяти города, являются, прежде всего, река Волхов и озеро Ильмень (ил. 1). Однако оба водоёма скорее вербализированы, чем визуализированы в современных объектах городской среды (гостиница «Волхов», ресторанный комплекс «Ильмень», региональная газета «Волхов», предприятие «Ильменские сети» и т. д.).

Ил. 1. Река Волхов и озеро Ильмень. Территория Юрьева монастыря

Исследования новгородской идентичности подтверждают, что озеро Ильмень и река Волхов занимают весьма скромное место в спектре значимых для новгородцев культурных смыслов по сравнению с архитектурой, событиями истории и культуры и т. д. Дан-

ный факт отчасти объясняется тем, что природные объекты как визуальные носители культурной памяти нередко являются лишь частью семантической композиции, дополняя более насыщенные значением следы культурной памяти. Но иногда природные объекты обладают самостоятельной семантикой и образуют важный пласт культурной памяти города. Например, в Нижнем Новгороде стрелка как место пересечения Оки и Волги является транслятором значимого городского прошлого, связанного с известной ярмарочной, торговой историей города.

Культурная память Великого Новгорода в произведениях изобразительного искусства

Искусство соединяет прошлое и настоящее города так же, как и культурная память. Визуальные формы изобразительного искусства, включая живопись, кинематограф, фотографию, скульптуру, декоративно-прикладное искусство, оживляют персонажей городской истории, эмоционально насыщают события городского прошлого через художественные образы и тем самым символически закрепляют слои культурной памяти. Они способны создавать устойчивые образы города, которые прочно укореняются в городской культуре. Так, изображение города в живописи или на фотографии визуально репрезентирует значимые страницы истории, поддерживая процесс памятования через образы города или актуализируя забытые эпизоды городского прошлого.

Как показал анализ живописных полотен и произведений кинематографического искусства, Великий Новгород изображается преимущественно в контексте его богатого культурного и исторического наследия (ил. 2). В наиболее известных работах художников Великий Новгород изображается, как правило, с помощью:

- православных храмов, маркирующих дух древнего города (А. П. Рябушкин, «Михайловская улица в Новгороде»; Н. К. Рерих, «Спас Нередица. Древний Новгород»);
- фундаментальных архитектурных памятников, например, Софийский собор (А. Н. Семёнов, «Собор Софии в Новгороде»);
- фрагментов славного прошлого города, связанного с вече, ганзейским союзом, средневековой республикой (А. М. Васнецов, «Новгородский торг»).

Ил. 2. К. И. Горбатов. Новгород, Пристань. 1919

Ил. 3. Кадр из фильма «Садко». Реж. А. Птушко. 1952

Современный город в полотнах живописи представлен более разнообразно, с включением новых элементов городского ландшафта, однако пейзажи древнего города всё же доминируют и в наши дни, поскольку обладают особой живописностью и передают самобытный стиль города.

В кинематографических лентах также доминирует ландшафт древнего Новгорода, который нередко становился декорацией и площадкой для съёмок художественного кино («Аленький цветочек» И. Поволоцкой, «Наследники» В. Исакова, «Василий Буслаев» Г. Васильева и пр.) и телесериалов («Екатерина», «Распутин», сериал ВВС «Война и мир» и пр.). Существуют фильмы, где Великий Новгород выступает в роли самого себя («Садко» А. Птушко, «Суeta сует» А. Суриковой, «Господин Великий Новгород» А. Салтыкова, мини-сериал «Дружина» М. Колпахчиева). В документальных лентах, снятых в последние годы («Витославицы», «Новгород: 1150 лет в истории Российского государства», «Золотая кладовая Великого Новгорода», циклы передач «Час истины», «Чудеса России», «Россия. Гений места», «Гении» и пр.) город стал появляться всё чаще. Здесь он предстаёт как древний центр, исторически и культурно значимый для России.

Страницы кинолент хранят память о известных личностях, связанных с Великим Новгородом: Александр Невский, Феофан Грек, Садко, Иван Грозный, Сергей Рахманинов. Среди значимых событий, которые запечатлены кинолентой, чаще всего представлены Невская битва, история Новгородской республики, легенда о голубе на кресте Софийского собора, былина о гусляре Садко и пр. Во всех кинофильмах присутствуют фрагменты новгородских пейзажей, содержащих архитектурные памятники: Кремль, Софийский собор, памятник «Тысячелетие России», Ярославово дворище, Юрьев монастырь, Витославицы, которые влияют на визуальное восприятие города.

В целом же визуальные формы изобразительного искусства позволяют более выразительно подчеркнуть фрагменты городского прошлого, поскольку искусство, особенно экранное, делает образы города живыми, реальными, запоминающимися.

Архитектура и культурная память города

Архитектура как тип визуального носителя культурной памяти города не только многогранна (архитектурные ансамбли, архитек-

турная застройка жилых зданий и пр.), но и напрямую связана с проблемами городской коммеморации. Так, мемориальная архитектура (стелы, мемориалы, монументы и пр.) является квинтэссенцией городской памяти, она непосредственно направлена на сохранение памяти о значимых событиях городского прошлого (например, военный подвиг горожан, изобретение, память о жизни выдающейся личности и пр.).

В качестве визуальных носителей культурной памяти города выступают как сама архитектура, так и особенности архитектурной застройки города, которые передают культурное своеобразие города и его индивидуальный стиль, позволяют идентифицировать город и постоянно напоминать своими формами о городском прошлом (ил. 4). Иными словами, архитектура передаёт неповторимый визуальный код города, иногда раскрываемый с помощью понятия «дух места» (*genius loci*). «Дух места» как научный концепт приобрёл свою популярность отчасти после выхода работ Кристиана Норберг-Шульца, предложившего данную категорию в рамках разработанной им феноменологии архитектуры. По его словам, человек не просто воспринимает геометрию построек, он экзистенциально переживает город и взаимодействует с ним, чувствуя его как пространство жизненного опыта. И это объяснимо с помощью концепта «*genius loci*», который «позволяет человеку идентифицировать себя со средой» [Norberg-Schulz 1980, 16]. Архитектура задаёт *дух города*, она вызывает впечатления и устойчивые ассоциации, содержания, в том числе, фрагменты городской памяти.

Иногда понятие «*genius loci*» толкуется как *гений места*, что предполагает персонификацию духа. В этом случае характер города осмысливается через символическую связь с известной личностью, которая как-то связана с городом. Значимость известной личности насыщает семиотику городской архитектуры дополнительными значениями (например, дом, в котором жил известный поэт), влияя тем самым и на структурирование культурной памяти города.

Комплексный анализ проведённых исследованных исследований визуальных носителей архитектуры Великого Новгорода свидетельствует о доминировании как в памяти новгородцев, так и в дискурсивном поле современного города культурных смыслов, связанных со средневековым прошлым города. Согласно полученным данным со стороны горожан, ключевыми носителями культурной памяти города являются, прежде всего, Кремль и Софийский собор (ил. 5), образующие ядро символической матрицы города.

Ил. 4. Новгородский Кремль

Ил. 5. Великий Новгород, Софийский собор

Для подавляющего большинства горожан существенное значение имеет не столько тишина и размеренный ритм провинциального города, сколько возможность жить в древнем городе, сохранившим в архитектуре следы прежних эпох и великих событий истории. Визуальными носителями, аккумулирующими аутентичные смыслы города, являются также Ярославово дворище, вечевой колокол, берестяные грамоты и новгородские православные храмы. Что касается памятника «Тысячелетие России», то его значимость была установлена скорее для представителей внешней среды (например, туристы) и для ряда городских экспертов (например, со стороны власти), тогда как для горожан данный архитектурный объект, несмотря на упоминания о нём, всё же менее символичен, поскольку он несёт, прежде всего, смысл общероссийского события и менее красноречиво отражает слои культурной памяти самого Великого Новгорода (за исключением факта его воздвижения).

Новгородский дух, согласно полученным данным, передают как центральная площадь и её архитектурные постройки, включая Кремль и Ярославово дворище, так и архитектура небольших улочек Торговой стороны Великого Новгорода, которые сохранили неповторимую атмосферу и настроение исторического города.

Чуть менее значимыми, по мнению горожан, но всё же заметными архитектурными композициями, хранящими память города, являются Витославлицы как визуальный репрезентант новгородского деревянного зодчества, Юрьев монастырь, архитектурные формы которого передают самобытный облик древнего города, и Рюриково городище как визуальное свидетельство факта зарождения российской государственности.

Итак, архитектурный язык не менее выразительным образом передаёт память о прошлом города, визуально транслируя символическую информацию через формы, размеры, линии в разнообразных постройках, ансамблях, жилых зданиях, которые создают уникальный характер городского пространства.

Бренды, символика, логотипы как визуальные носители культурной памяти города

Среди визуальных носителей мы выделили отдельную группу городской символики, включающую логотипы городских событий, бренды, гербы и иные символы, которые особым образом аккумулируют культурный опыт города.

По мнению Я. Ассмана в культурной памяти прошлое не сохраняется как таковое, а скорее гальванизируется (воскрешается) в символах, которые как бы освещают изменяющееся настоящее [Assmann 2011, 19]. Такими символами могут быть не только элементы городской среды, получающие символическую функцию как дополнительную, но и те, что созданы для непосредственной передачи условной информации о городе, например, официальный герб или логотип городского бренда. Подобная визуальная символика призвана актуализировать фрагменты культурной памяти города в рамках самых разных коммуникативных практик, способных менять настоящее и будущее города.

Символическая репрезентация культурной памяти города сегодня востребована в городском брендинге или в визуальном сопровождении перфомативных практик (акции, фестивали, шествия и пр.). Так, использование аутентичных слоёв городской памяти в визуальном носителе бренда приносит городу символическую прибыль – узнавание, известность, доверие, привлекая в город различные типы ресурсов. Поэтому современные города находятся в состоянии постоянной конкуренции, в том числе и за символический капитал. Города конкурируют за право получения того или иного статуса (например, родина российской государственности), что вызывает необходимость «припоминания» соответствующих событий в прошлом города. Отсюда культурная память некоторых российских городов пополнилась, в частности, персонифицированными смыслами. Визуальными носителями культурной памяти ряда российских городов стала сказочная карта России, где города признаются родиной сказочных персонажей (Великий Устюг – родина Деда Мороза, Муром – Ильи Муромца, Архангельск – Снеговика и т. д.).

Анализ брендов российских городов показал, что многие из них как в самой идее бренда, так и в его логотипе, используют фрагменты культурной памяти города, тем самым актуализируя эпизоды прошлого в коллективных представлениях о городе. Так, в ряде логотипов бренда используются цвета аутентичной архитектуры города (цвет Кремля в логотипе бренда Нижнего Новгорода), художественные промыслы (вологодское кружево как бренд), природные маркеры города (цветовая гамма бренда Мурманская содержит символическую связь с морем, рыбой, северным сиянием и Арктикой).

Символика Великого Новгорода – не исключение, и она построена, преимущественно, с использованием репертуара значимых для

города культурных слоёв памяти. Культурные смыслы, присутствующие в символических изображениях города (берестяная грамота, Садко, вечевой колокол, фрагменты Кремля и Ярославова дворища, купола Софийского собора и пр.), прочно вошли в визуальную символику повседневной жизни горожан. Устойчивого бренда на данный момент город не имеет, но наибольшую популярность, несмотря на обоснованную критику, приобрёл разработанный около 10 лет назад накануне 1150-летия города официальный бренд «Великий Новгород – Родина России» (ил. 6). Визуальное исполнение бренда опирается на два городских памятника архитектуры, образующих символический код города, а именно – купола Софийского собора и цвет кремлёвских стен. В качестве попыток ребрендинга следует назвать появление новых официальных брендов, каждый из которых предполагает использование тех или иных слоёв культурной памяти (например, «Русь Новгородская», «Великий Новгород – колыбель русских гениев» и пр.).

Ил. 6. Бренд «Великий Новгород – Родина России»

Кроме официальных символов города (герб или логотип бренда), визуальными носителями культурной памяти города может выступать и символика перформативных практик, в частности, фестивалей, карнавалов или акций. Рассчитанные на публичность и зрелищный эффект, такие практики предполагают обязательное

визуальное сопровождение (например, демонстрация фотографий участников войны в акции «Бессмертный полк»), позволяющее аккумулировать значимые события и образы городского прошлого и способствовать их интенсивному «переживанию». Так, фестивальная история города в наши дни рассматривается как один из его идентификаторов и символических маркеров.

В Великом Новгороде проводится целый ряд фестивалей, и часть из них (например, «Садко» или «Ганзейские дни») поддерживает уникальные культурные смыслы города. Визуальными носителями культурной памяти города в данном случае выступает символика фестиваля – от характера костюмов участников, отсылающих к определённым слоям исторической памяти города, до логотипа и декораций фестиваля.

Данная группа визуальных носителей культурной памяти города призвана выполнять функции целенаправленного использования фрагментов прошлого в различных формах символической репрезентации культурных смыслов города, повышая их значимость для самых разных целевых аудиторий.

Заключение

В заключение отметим, что визуальные носители культурной памяти города являются теми элементами городской среды, с которыми постоянно сталкивается горожанин или гость города; поэтому они формируют то, что современные учёные называют «urban imaginary» (дословно – «городское воображаемое»). Воображение города во многом становится результатом его коллективного представления с помощью фотографий, видео, изображений в самых разных средствах массовой коммуникации. Мир сегодня стремится быть «видимым, фотографируемым, снятым на кино- и фотоплёнку и, в конечном счёте, быть спроецированным на экране» [Оже 1999]. Подобная ситуация подтверждает необходимость исследований проблемы визуальной проекции города, конфигурация которой во многом зависит от работы визуальных носителей культурной памяти города.

Как следует из того, что сказано выше, особенностями визуальных носителей культурной памяти города следует назвать следующие аспекты: а) визуальные носители за счёт материальной формы способны жёстко фиксировать и надёжно передавать культурные смыслы; б) объективация таких носителей призвана постоянно

напоминать о прошлом города, нередко оживляя, выразительно транслируя и эмоционально насыщая актуальные слои городской памяти; в) визуальные носители культурной памяти города могут отличаться по характеру символической функции, которая может быть либо дополнительной (например, памятники архитектуры), либо непосредственной (например, бренд города); г) создание визуальных носителей культурной памяти или их актуализация в коммуникативных практиках города маркирует городское пространство, формирует визуальный символический код города, передающий информацию о его духе и стиле; д) визуальный код носителя памяти, в отличие от вербального, более многогранен по подаче культурного смысла (визуальные образы косвенно передают символическую информацию), потенциал для интерпретации фрагментов прошлого здесь более вариативен и зависим от культурных условий.

Важно отметить, что полученные данные не претендуют на безусловную объективность, поскольку визуализация городских смыслов может приобретать ту или иную специфику в зависимости от природных, географических, исторических, экономических, демографических и прочих характеристик города, времени его образования, масштаба и стратегий развития.

Однако подобная схема может стать отправной точкой в дальнейших исследованиях культурной памяти городов, стать частью интеллектуального капитала, используемого в проецировании матрицы культурной памяти каждого конкретного города. В политике культурной памяти города существенную роль сегодня приобретает процесс формирования коллективных представлений города через актуализацию забытых слоев городской памяти или поддержание имеющихся. Данный факт возможен в силу того, что важнейшим свойством культурной памяти как таковой является её многослойность, которая открывает возможность дальнейшего управления и проектирования культурной памяти. Такая политика предполагает активное внедрение в повседневную жизнь города как актуальных, так и латентных структур коллективной памяти: визуальные носители культурной памяти могут воспроизводиться на экране, выставляться в музеях, стать частью оформления городских набережных или перфомативных практик горожан. Чтобы память жила, её нужно поддерживать, и тогда культурные смыслы будут частью настоящего и будущего города.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арнаутова 2006 – Арнаутова Ю. А. Культура воспоминания и история памяти // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. Москва, 2006. С. 47–55.
- Ассман 2014 – Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. Б. Хлебникова. Москва, 2014.
- Ассман 2016 – Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / Пер. Б. Хлебникова. Москва, 2016.
- Ассман 2004 – Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. М. М. Сокольской. Москва, 2004.
- Вандышев и др. 2013 – Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. Места памяти и символический капитал территорий в ментальных картах горожан // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Том XVI. № 3 (83). С. 101–121.
- Крокинская 2016 – Крокинская О. К. Культурная память и опыт в практиках конструирования будущего обыденным сознанием // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Том XIX. № 4 (87). С. 142–158.
- Линч 1982 – Линч К. Образ города / Пер. В. Л. Глазычева под ред. А. В. Иконникова. Москва, 1982.
- Лотман 1992 – Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Том 1. Таллин, 1992. С. 200–202.
- Нора 1999 – Нора П. Проблематика мест памяти // Франция – память. Санкт-Петербург, 1999. С. 17–50.
- Оже 1999 – Оже М. От города воображаемого к городу-фикции // Художественный журнал. 1999. № 24. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.guelman.ru/xz/362/xx24/x2402.htm> (дата обращения: 15.10.2018).
- Романова 2015 – Романова Е. Н. Ландшафт в культуре памяти // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 93–98.
- Федотова 2017 а – Федотова Н. Г. Великий Новгород глазами новгородцев: к вопросу о структуре территориальной идентичности // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. 2017. № 1 (7). С. 259–265.
- Федотова 2017 б – Федотова Н. Г. Экспертная оценка символического капитала Великого Новгорода // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. 2017. № 2 (8). С. 163–171.

- Федотова 2018 – Федотова Н. Г. Культурная память города: концептуальный анализ // Учёные записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2018. № 3 (15). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.novsu.ru/file/1450165> (дата обращения: 10.10.2018).
- Хальбвакс 2007 – Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. Москва, 2007.
- Assmann 2011 – Assmann J. Communicative and Cultural Memory. *Meusburger P., Heffernan M., Wunder E. Cultural Memories. The Geographical Point of View*. London, New York, 2011. P. 15–28.
- Buckler 2008 – Buckler J. The City's Memory: Texts of Preservation and Loss in Imperial St. Petersburg. *Preserving Petersburg. History, Memory, Nostalgia*. Indiana University Press, 2008. P. 39–56.
- Huyssen 2008 – Other cities, Other Worlds: Urban Imaginaries in a Globalizing Age. Ed. by Andreas Huyssen. Durham, North Carolina, 2008.
- Norberg-Schulz 1980 – Norberg-Schulz Chr. Genius Loci, Towards a Phenomenology of Architecture. New York, 1980.

Материал поступил в редакцию 18.10.2018